

Доклад, сделанный Ст. Куняевым на конференции дипломатов,
историков, архивистов и политиков в Южно-Сахалинске
3 сентября 2015 года, в день окончания Второй мировой войны.

За всю свою тысячелетнюю историю Россия пережила около двухсот больших и малых войн, из которых несколько назывались нашествиями. Татаро-монгольское нашествие и последующее полуторавековое иго. Нашествие Мамай с его разноплеменным полчищем и Куликовская битва. Польско-шведско-литовское нашествие начала XVII века, отраженное ополчением Минина и Пожарского. Нашествие наполеоновской армии двенадцати языков. Нашествие Антанты в эпоху гражданской войны. И, наконец, Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

Нашествиями народ называл те войны, в которых против России объединялось несколько государств и народов. Поэтому отражение подобных нашествий требовало от народа и власти предельного или даже беспредельного напряжения всех духовных, военных, государственных и экономических сил. Ни в одном европейском языке применительно к понятию «война» нет слова «нашествие». Оно живет, к сожалению, только в русской речи. Поэтому от русской литературы, от ее поэтов, прозаиков, публицистов, авторов песен требовалось предельное идеологическое и духовное обеспечение этой борьбы за «свободу и независимость нашей Родины», и древнеримское изречение «Когда гремит оружие, музы молчат» — ни в коем случае не относится к истории нашего Отечества. Нет худа без добра: эпохи нашествий обогащали нашу литературу.

Героический звук в письменной русской поэзии впервые прозвенел в «Слове о полку Игореве». Через два века он повторился в «Задонщине». Отечественная война 1812 года отразилась в поэзии Жуковского, Дениса Давыдова и Рылеева, в оде юного Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» и в его же стихотворном послании европейским «Клеветникам России»:

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Им место есть в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

От Пушкина героическое эхо Бородинской битвы долетело до Лермонтова, воспевшего подвиги наемников наполеоновской армии со смертниками Михаила Кутузова:

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой...»

Трагическая советская эпоха, естественно, продолжила эту героическую традицию. Однако в 30-е годы характер будущей войны, близость которой была очевидной для всех крупнейших политиков мира, был не до конца ясен и советскому руководству, и творческой интеллигенции.

В 1939 году мне было 7 лет, но я помню песни и стихи того времени, в которых речь шла о приближающейся войне. Одни поэты по инерции воспевали ее как продолжение мировой революции: «Я хату покинул, пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» Или: «Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!» Другие утверждали «оборонное» сознание. Идеология мировой революции к этому времени уступила



новой цели — построению социализма в одной, отдельно взятой стране. Узнав об этой смене политического курса, Лев Троцкий обвинил Сталина и партию большевиков в предательстве дела мирового пролетариата. Но советские поэты уже расстались с этой химерой, осознав, что единого «мирового пролетариата» не существует.

«Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; «если завтра война, если завтра в поход, если темная сила нагрянет, как один человек, весь советский народ за свободную Родину встанет»; «но сурово брови мы нахмурим, если враг захочет нас сломать»; «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». В этих стихотворных афоризмах эпохи отразилась ее обронная идеология. Читаешь их и понимаешь, что советское руководство не только не желало войны, но и старалось всеми силами избежать ее, понимая, что мы еще не готовы к ней. Правда, иные поэты еще сочиняли песни о «лихих тачанках», о том, что *«по дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем»*, но эта отрывка гражданской войны уходила в прошлое. Руководство страны уже понимало, что будущая война — это война моторов, и потому песня *«Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой»* стала главной песней предвоенных лет, как и песня на слова Юрия Германа *«Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ»...*

И тем не менее 22 июня грянуло как гром среди ясного неба.

Есть две точки зрения на то, почему первые месяцы войны стали катастрофическими для нас. Одна из них гласит, что руководство страны во главе со Сталиным растерялось, выпустило вожжи из рук, проморгало дату начала войны, что оно к 1941 году сумело мобилизовать лишь 5 миллионов солдат и офицеров против 8 миллионов, стоявших под знаменами Рейха.

Другую точку зрения изложил Георгий Жуков в 1972 году: «Германия по всем статьям тогда была лучше готова к войне, чем мы. Мы в академиях военных учились у Клаузевица, Мольтке, Шлиффена. Прусский офицер — это целая каста, немецкий солдат покорил Европу. Немецкая техника была лучше нашей. Мы весной 1941 года только запустили в производство танк “Т-34”, штурмовик “Ил-52”, реактивный миномет “катюша”. Мы войной обучались. Но, — добавил Жуков, — мы победили потому, что у нас был храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину».



К этим словам Жукова можно добавить еще, что этот солдат был подготовлен к войне советской школой, советской историей, советским кино, советской поэзией, советской песней.

* * *

Идею расового превосходства арийцев над «славянами» и другими народами СССР можно было победить только другой, понятной для всего народа идеей Родины-матери, идеей исторического и социалистического братства народов СССР, идеей православной христианской общности. И недаром 22 июня сразу после речи Молотова по согласованию с бывшим семинаристом и поэтом Иосифом Сталиным с проникновенным словом к народу выступил патриарший местоблюститель Сергей.

«Повторяются, — сказал он, — времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени. <...> Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину, вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов».

А 7 ноября 1941 года Сталин, выступая перед участниками парада на Красной площади, добавил к именам Александра Невского и Дмитрия Донского имена Суворова, Кутузова, Минина и Пожарского и поставил их всех «под знамя великого Ленина», поскольку понимал, что для победы над таким могучим врагом необходимо единство «русского» и «советского».

Война властно сблизила церковь с высшей государственной элитой, обнажила для власти и для писателей православную сущность русского простонародья, не подчинившуюся идеологии государственного атеизма, насаждаемого до середи-

ны 30-х годов Емельяном Ярославским (Минеем Губельманом) и его опричниками; любимец Сталина и поэтому поэт советского русского офицерства Константин Симонов одним из первых запечатлел опору на веру православную уже в самом начале войны.

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!» —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, *деревни с погостами*,
Как будто на них вся Россия сошла,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, *наши прадеды молятся*
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил...

В этом стихотворении все явления природы, все деяния людей, все приметы быта — дороги Смоленщины, злые дожди, кринки с молоком, женские слезы, дорожные версты, деревни с погостами, кресты на могилах, русские околицы, все рожденное, ушедшее в прошлое и живущее в настоящем, — все готовится вместе с нашими отступающими солдатами выстоять, вернуться и победить. Вот что такое народная война. Таких войн никогда не знала Европа. И не случайно еще и то, что слова «на великой Руси», «вся Россия сошла», «за каждую русской околицей», «с простыми крестами их русских могил», наполнившие стихотворение, предугадывали, что главной скрепой начавшейся борьбы за «свободу и независимость нашей родины» будет русская скрепа. Наши поэты с первых дней войны почувствовали, что столь могущественного врага можно победить, лишь следуя древней истине — «смертью смерть поправ», и после этого их речь естественно обрела черты бесстрашного трагического достоинства: «вставай на смертный бой», «смерть не страшна, с ней не раз мы встречались



в бою», «а коль придется в землю лечь, так это только раз...»

Сотни писателей в первые же дни войны ушли добровольцами на фронт и в народное ополчение. Подлинным подвигом стало создание поэтом Василием Лебедевым-Кумачом и композитором Александровым песни «Священная война», написанной в ночь с 22 на 23 июня 1941 года.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

В истории человечества был лишь один случай, подобный этому. Во время Великой французской революции поэт Руже де Лиль за одну ночь сочинил в Марселе «Марсельезу», ставшую гимном Франции на вечные времена: «*Вперед, Отечества сыны! День славы наступил...*» Но нашим людям тогда было не до славы... И какой циничной ложью полны вопли нынешних фальсификаторов истории о том, что наша война была всего лишь войной двух тоталитарных систем, войной Сталина и Гитлера, следовательно, она и не «отечественная», и не «священная». Эти антисоветские русофобские шавки не могут понять даже того, что наша война была не просто советско-германской, но войной всей нападающей континентальной Европы с обороняющейся российской Евразией. По окончании войны в наших лагерях для военнопленных было около 4 миллионов солдат Третьего рейха. Из них 2,5 миллиона немцев, один миллион пленных были солдатами стран, официально объявивших нам войну, — венграми, румынами, итальянцами, финнами, норвежцами, словаками, — и полмил-

лиона были добровольцами из стран, официально не воевавших с нами, — испанцами, чехами, французами, хорватами, бельгийцами, поляками, голландцами, датчанами. Вся континентальная Европа — а это 350 миллионов населения! — была мощным тылом, работавшим на гитлеровскую военную машину и снабжавшим многомиллионную армию Третьего рейха оружием, продовольствием, обмундированием, транспортом.

Все немецкие танки производились в Чехии, и экипажи «тигров» были укомплектованы чехами. Добровольцы из гитлеровского Евросоюза вступали в вермахт потому, что знали: после победы все пространства Советского Союза станут колонией для объединенной «коричневой» Европы и, разумеется, для их собственных стран. В гитлеровском плане «Ост» политика в области сельского хозяйства определялась так: *«Производство продовольствия в России будет включено в европейскую систему, поскольку Западная и Северная Европа голодают... Германия и Англия нуждаются в ввозе продовольствия».* (Англичане для Гитлера, несмотря на то, что Англия была в состоянии войны с Германией, были арийцами, в отличие от «унтерменшей»-славян.) Все разговоры о том, что наши пленные зверски уничтожались в немецких лагерях лишь потому, что СССР не подписал до войны какое-то соглашение с Международным Красным Крестом — ложь наших либералов. Какой там Красный Крест, если высшая раса вступила в борьбу с «недочеловеками»! Уничтожение всей нашей жизни, культуры, истории, всей цивилизации — вот каковы были планы фашистской Европы, и русская поэзия почувствовала эту смертельную угрозу с первых дней войны. Поэты старшего поколения и так называемого Серебряного века, даже те, кто ненавидел Октябрьскую революцию и Совдепию, вдруг почувствовали себя русскими патриотами.

23 февраля 1942 года Анна Ахматова, молчавшая до войны много лет, сочинявшая «антисталинский» «Реквием», отозвалась стихотворением «Мужество»:

Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,

Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем.
Навеки!



Стихи сразу же были опубликованы в газете «Правда». Александр Вертинский, знаковая фигура Серебряного века, к тому же эмигрировавший из СССР, прославил великий подвиг народа, который взволновал его русскую душу, и написал стихотворение о Сталине, казалось бы, немислимое для его эмигрантского окружения:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад,
Сколько стоил ему Севастополь!
Сколько стоил ему Сталинград!..

...
И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?

Он взрастил их. Над их воспитаньем
Долго думал он ночи и дни,
О, к каким грозovým испытаньям
Подготовлены были они!..

...

...Тот же взгляд, те же речи простые,
Так же скупы и мудры слова...
Над разорванной картой России
Поседела его голова.

Борис Пастернак — тоже рафинированное дитя Серебряного века. В 1944 году он побывал после Курской битвы на освобожденной Орловщине и написал цикл стихотворений о героизме солдат и мучениях народа в оккупации, а в комментариях к стихам добавил: *«Победил весь народ сверху донизу, от маршала Сталина до рядовых тружеников».*

А еще один знаменитый эмигрант — нобелевский лауреат Иван Бунин — сделал запись в дневнике 1943 года, когда Сталин уезжал в Тегеран на встречу с Черчиллем и Рузвельтом: *«Думал ли я, что сейчас, когда Сталин находится на пути в Тегеран, я буду с замиранием сердца переживать, чтобы с ним ничего не случилось».*

После войны, в 1946 году, Бунин сказал Константину Симонову: *«22 июня 1941 года я, написавший все, что писал до этого, в том числе “Окаянные дни”, я по отношению к России и к тем, кто нынче правит ею, навсегда вложил шпагу в ножны».* А во время еще одной встречи с Симоновым после войны Бунин предложил тост: *«Выпьем за великий русский народ — народ-победитель — и за полководческий талант Сталина!»* Проживший в эмиграции на Западе более 20 лет, истинный патриот России Бунин прекрасно понимал, что эта война есть нашествие, есть небывалое до сих пор по целям и масштабам очередное нападение на Россию хищного Запада, который не может терпеть существования рядом с ним чуждого и ненавистного ему мира. Он, в отличие от властителей, понимал, что цель войны — не просто захват Москвы или смена режима, а уничтожение или превращение русского мира в пассивную питательную среду для Запада. (Ситуация, в некоторой степени похожая на сегодняшнюю.) Без полной самоотверженности, без священного чувства ненависти победить такого мощного врага было невозможно. Вот почему Шолохов пишет очерк «Наука ненависти», вот почему Эренбург с Константином Симоновым в своих стихах и статьях призывают и армию, и весь народ: *«Убей немца!»*

* * *

Известный немецкий историк и русист Эберхард Дикман, состоявший в конце войны в гитлерюгенде, так сказал о главной причине нашей победы: *«Немецкие обыватели ничего не имели против создания великой германской империи. И когда этот путь стал реальным, в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти по нему. Но с того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента стал ясен исход войны: русские были сильнее, прежде всего, потому, что для них решался вопрос жизни и смерти».* Вот как писал об этом всенародном чувстве участник войны удивительный мистический поэт Даниил Андреев, сын известного писателя Серебряного века Л. Андреева:

С холмов Москвы, с полей Саратова,
Где волны зыблются ржанные,
С таежных недр, где вековые
Рождают кедры хвойный гул,
Для горестного дела ратного
Закон спаял нас воедино
И сквозь сугробы, судры, льдины
Живою цепью протянул.

Даниил Андреев рисует поистине апокалиптическую картину всенародного сверхнапряжения, мобилизованного и исторгнутого из народного чрева не просто «законом» или волей вождя, но и волей всего народа:

Дыханье фронта здесь воочию
Ловили мы в чертах природы:
Мы — инженеры, счетоводы,
Юристы, урки, лесники,
Колхозники, врачи, рабочие —
Мы, злые псы народной псарни,
Курносые мальчишки, парни,
С двухильным нравом старики.

Только такой «сверхнарод», как назвал его Даниил Андреев, мог победить жестокую орду «сверхчеловеков». Поэт, в те времена оборонявший вымирающий, но не сдающийся Ленинград, несколько раз проходил туда и обратно через Ладогу, по ледовой Дороге жизни, и он, конечно же, понимал, что мы устояли не просто благодаря Сталину или морозу:

Ночные ветры! Выси черные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы — испытанье; в вас — награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.

Ведь эту броню надо было изобрести, изготовить, испытать... *«Дни и ночи у мартеновских печей / не смыкала наша родина очей...»* И слова «русская раса» здесь не случайны.



Даниил Андреев после войны был арестован по 58-й статье, просидел во Владимирской тюрьме несколько лет, после чего его книги долго не издавались и его поэзия, его пророчества и прозрения не дошли до широкого читателя, хотя, несомненно, были достойны этого.

Вот что он писал о гражданских распрях 30-х годов, которые нужно забыть перед наступлением общей и смертоносной для красных и белых, для партийных и беспартийных, для всех русских и всех нерусских беды: «*Страна горит, пора, о Боже, / Забыть, кто прав, кто виноват...*» Размышляя о роли в истории России всех ее князей, царей, императоров, генсеков — от Владимира Крестителя до Сталина, — он рисует такой обобщенный образ вождя:

Лучше он, чем смерть народа,
Лучше он;
Но темна его природа,
Лют закон...
...
Жестока его природа.
Лют закон,
Но не он — так смерть народа...
Лучше — он!

Спасти страну можно было только единством трех сил: власти, армии и — самое главное — народа. И потому все самые значительные поэты эпохи, отдавая должное Сталину, прославляя армию, в первую очередь пытались понять, как сопротивляется нашествию каждый отдельный человек из народа — солдат, крестьянин, рабочий. И вполне понятно, что в первую очередь поэты военной эпохи имели в виду русского человека и русский народ. Да, конечно, победу добывали все народы Советского Союза. Но ведь недаром же маршал Баграмян, армянин по происхождению, писал в своих воспоминаниях, что любую крупную военную операцию можно было проводить только в том случае, если войска были более чем наполовину укомплектованы русскими солдатами и офицерами. И недаром грузин Иосиф Сталин 24 июля 1945 года произнес знаменитый тост за здоровье русского народа.

И здесь в первую очередь надо вспомнить об Александре Твардовском, о его великом солдатском эпосе «Василий Теркин», о том, что памятник именно русскому солдату стоит на смоленской земле, на родине Твардовского на хуторе Загорье.

Помню, как мне, пятикласснику, в 1945 или 1946 годах попала в руки книжица в мягкой обложке, напечатанная на желтой газетной бумаге, — «Василий Теркин». Одна глава поэмы, прочитанной взахлеб, за один присест, особенно поразила меня:



Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

...
И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

...
Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь, как год...

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

...
Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Недаром Иван Бунин, прочитавший во Франции «Теркина», пришел в полный восторг, о чем написал в Москву своему другу писателю Телешову.

А если вспомнить не менее великую поэму «Дом у дороги» или потрясающий реквием «Я убит подо Ржевом», то, конечно, именно Твардовского надо считать подлинным летописцем войны именно как народной и священной, которую выиграл рядовой солдат:

Я убит подо Ржевом
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

...

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!..

Рядом с Твардовским самые разные поэты его поколения, возмужавшего в 30-е, создали немало стихов, написанных не просто «о войне», но, как писал Вадим Кожин, «войною». Это Михаил Исаковский и Ольга Берггольц, Александр Прокофьев и Михаил Светлов, и, конечно же, Константин Симонов.

Лето 1942 года. Немцы жаждут взять реванш за поражение под Москвой, рвутся к Сталинграду и к бакинской нефти. Наши войска отступают, порой в панике и беспорядочно. И тут выходит знаменитый сталинский приказ № 227, названный «Ни шагу назад».

В грозном приказе были слова, обладавшие мистической силой: «Население теряет веру в Красную армию», «отступить дальше — погубить Родину», «многие проклинают Красную армию», «покрыв свои знамена позором...», «ни шагу назад!». Симонов тут же откликнулся на сталинский приказ стихотворением, облетевшим всю страну, — «Безымянное поле». В сущности, это стихотворение являлось переложением легендарного приказа на стихотворный язык: «Кровавое солнце позора», «Нас предки за это клянут», «Чтоб больше ни шагу назад». А в 1944 году он же написал стихотворение, где каждая строфа заканчивалась словами «Друзья мои», — рефрен этот был взят из речи Сталина, прозвучавшей 3 июля 1941 года и начинавшейся словами: «Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Михаил Светлов, поэт того же поколения, что и Симонов, Михалков, Александр Прокофьев, увлекался в 20-е годы идеями мировой революции, мечтал о том, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», за что приобрел в советском литературоведении опасную репутацию троцкиста. В начале Отечественной войны он расстался с этими иллюзиями и стал писать стихи, как русский патриот и как поэт сталинской эпохи. Вот его знаменитое стихотворение военных лет:

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, —
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что в России оставил ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Можно вспомнить еще многих поэтов, писавших о войне, творчество которых сформировалось в довоенные 30-е годы: Виктор Боков, Сергей Михалков, Алексей Сурков, но вспомним в первую очередь Ольгу Берггольц, героическую женщину, пережившую ленинградскую блокаду. Над Пискаревским кладбищем, где лежат сотни тысяч ленинградцев, где лежит и мой отец, по-смертно награжденный медалью «За оборону Ленинграда», высечены ее слова: «Никто не забыт, ничто не забыто».



А какое созвездие блистательных поэтов дало в годы войны поколение тех, кто родился в начале 20-х годов!

Это Михаил Луконин: «Лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой»; Борис Слуцкий: «Девятнадцатый год рожденья — двадцать два в сорок первом году принимаю без возраженья как планиду и как звезду»; Давид Самойлов, вошедший в историю знаменитым стихотворением «Сороковые, роковые...»; Александр Межиров с крылатой фразой: «Коммунисты, вперед!..»; Михаил Кульчицкий со словами «Не до ордена. Была бы Родина с ежедневными Бородино».

Я перечислил имена и стихи поэтов, вышедших из городской, более того, из столичной интеллигенции. Но, может быть, более глубокие стихи о войне выходили из-под пера крестьянских детей, детей сословия, за несколько лет до войны претерпевших все тяготы коллективизации, во многом пострадавших во времена «великого перелома», уходивших на войну не с тротуаров Арбата, а из родных деревень, как уходил герой стихотворения нижегородского крестьянина Федора Су-

хова, который провоевал все четыре года войны наводчиком противотанкового орудия.

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, —
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету меделово.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овес, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Все сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром громыхнул,
Весь закат был в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

«В чем тайна этого стихотворения? — писал Вадим Кожин. — Именно в том, что перед нами не “картина”, а целое огромное переживание. Родина, народ провожают своего сына на войну. И отдельные лица уже неразличимы. Есть стихия Родины, в которой все слилось. Но если взглядеться, угадываешь и все слагаемые этой стихии: “Губы мои задрожали” и “Ничего б не случилось со мной, если б я невзначай разрыдался...” Сквозь это видишь идущую рядом плачущую мать и скорбное лицо отца. А вот и голос друга — гармонь, которая “все сказала своими ладами”. И девушка, ибо, конечно, именно она подарила “платок с голубою каймой”. И, наконец, рожь, пшеница — то богатство, то добро и красота, в которые веками укладывались и труд, и любовь односельчан, так что это как бы уже живые существа, кланяющиеся в ноги уходящему молодому хозяину.

Мальчишка — а возраст героя отчетливо выражается в этих “вдруг задрожавших губах”, — прощается с Родиной, уходит в зловещий пожар войны. Что ж, может, слаб и боязлив он, если готов невзначай разрыдаться? Лицо героя не сияет на прощанье показной белозубой улыбкой. Он по-рус-

ски откровенен и открыт и не соблюдает “форму”... Но совершенно ясно: большие уже не дрогнут ни губы его, ни рука. Здесь, на пороге родного дома, он уже заранее как бы пережил и преодолел страх смерти, попрощался сам с собою...»

А крестьянин из саратовской деревни Виктор Кочетков, попавший в плен после первых месяцев войны, бежавший из плена и снова взявший винтовку в руки, вспоминал, как в начале войны тяжело, через силу настраивается народная душа, преодолевая страх, на смертный бой, как крестьяне-колхозники сжигают хлеба, чтобы они не достались врагу.

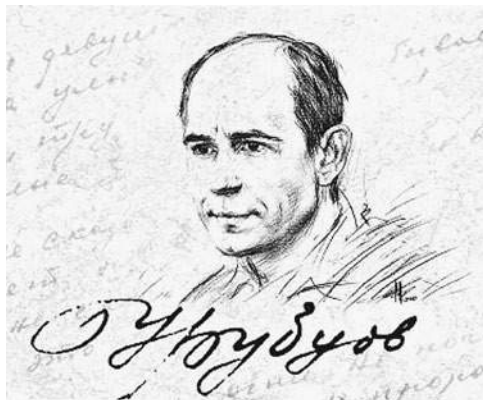
...
Разрывы редких мин. Ружейная пальба.
Надсадный плач детей. Тоскливый рев скотины.
На сотни верст горят созревшие хлеба —
Ни горше, ни страшней не видел я картины.

...
Закрыта жаркой мглой последняя изба,
И солнце в этой мгле едва-едва мигает.
На сотни верст горят созревшие хлеба —
Последний страх в себе Россия выжигает.

Раздумывая над этой плеядой поэтов, рожденных войной, вспоминаешь слова Александра Блока: *«Народ собирает по капле жизненные соки, чтобы произвести из своей среды всякого, даже не крупного писателя».*

* * *

Четвертым поколением поэтов, отразившим в поэзии военное лихолетье, были дети войны — шестидесятники. У каждого из них — Евгения Евтушенко, Николая Рубцова, Владимира Высоцкого, Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Анатолия Передреева и у многих других — есть стихи, достойные того, чтобы войти при самом строгом отборе в поэтическую антологию войны.



Но в творчестве поэтов-шестидесятников есть свое особое и чрезвычайно важное осмысление войны, которого не было, да и не могло быть у ее прямых участников, и которое светилось искорками христианского милосердия по отношению к врагу, и которое армия и народ начали ощущать по мере изгнания немцев с родной своей земли.

Алексей Прасолов, который хоть и не воевал, но видел войну, пережил унижения оккупации и радость освобождения от ига, писал об этом чувстве так:

Еще метет во мне метель,
Взбивает смертную постель
И причисляет к трупам труп, —
То воем обгорелых труб,
То шорохом бескровных губ
Та, давняя, метель.

Свозили немцев поутру.
Лежачий строй — как на смотре,
И чтобы каждый видеть мог,
Как много пройдено земель,
Сверкают гвозди их сапог,
Упертых в мертвую метель.

А ты, враждебный им, глядел
На руки талые вдоль тел.
И в тот уже беззлобный миг
Не в покаянии притих,
Но мертвой переключки их
Нарушить не хотел.

Какую боль, какую месть
Ты нес в себе в те дни! Но здесь
Задумался о чем-то ты
В суровой гордости своей,
Как будто мало было ей
Одной победной правоты.

Гениальное стихотворение! Сколько богатых оттенков стихийного народного понимания борьбы, возмездия, справедливости светится в нем! С одной стороны, еще не остыл гнев: «*А ты, враждебный им, глядел...*», но тут же присутствует «*беззлобный миг*». Вроде бы каяться тебе не в чем, ты прав — «*не в покаянии притих*», — но в то же время нарастает чувство того, что убитый враг уже не страшен и он тоже был человеком. Ты убил его, защищая себя и свою Родину, но не может сердце человеческое поверить, что победа обязательно должна быть связана с убийством: неполная это победа — с горечью, омрачающей торжество. Пословица «Труп врага хорошо пахнет» родилась не в нашем языке. Потому тебе и не хочется нарушать их «*мертвой переключки*» — пускай себе хоть переключнутся, если ничего не

успели понять. Потому тебе и «*мало*», в «*суровой гордости своей*», несмотря на «*боль*» и «*месть*», «*одной победной правоты*». Ты сожалеешь о том, что необходимость убить врага лишила тебя возможности объяснить ему его неправоту, победить его зло душевной силой, дожидаться своеобразного воскрешения его души. То, что победить можно только силой, делает твою победу неполной и свидетельствует о несовершенстве мира и человека. Это не рыцарское, а иное, более высокое и более глубокое отношение к врагу как к человеку, как к образу и подобию высшей силы, искаженной злом. Но это не жалость к врагу, а печаль о несовершенстве мира, осколок стихийно живущего в глубинах духа народного мироощущения.

В связи с прасоловским стихотворением надо вспомнить вот о чем. Когда в 1945-м наши войска вторглись в Германию и двинулись на Берлин, то с каждым километром жажда мести, столь помогавшая нам в первые годы войны, постепенно остывала. Видимо, это почувствовал Сталин, и по его распоряжению газета «Правда» в марте сорок пятого резко осудила Эренбурга, призывавшего мстить немцам, не жалея мирного населения. Именно тогда генералиссимус произнес исторические слова: «*Гитлеры приходят и уходят, а германский народ остается*».

Мое же детство прошло в эвакуации, в лесной костромской деревне Пыщуг, где я написал первое в жизни стихотворение для школьной стенгазеты. В третьем-четвертом классе в 1942 году в деревенской избе при свете коптилки и керосиновой лампы я прочитал «Войну и мир» Толстого, о чем впоследствии написал вот такие стихи:

Читая Толстого...

Горит коптилка
в северной ночи.
В печной трубе
протяжно воев вьюга...
Сестра и мать уснули на печи,
а мальчик — в узах сладкого недуга.
Он беженец. Он чудом выживал
среди бомбежек, голода, разрухи,
и смерч войны, ее горячий шквал
его занес на берега Ветлуги.
Но в этот час в натоленном доме
он позабыл все страхи, все сиротство —
нет лучше пищи сердцу и уму,
чем чистый воздух горя и геройства.
«Война и мир». Какие имена!
Бородино! Смоленская дорога!
И, наконец, река Березина...
Остыла печь, и до утра далеко.
А сводка Совинформбюро гласит,

что к темной Волге отступили наши.
Горит коптилка. Книга шелестит...
Так, значит, суждено из той же чаши
испить врагу!
Недаром эта ночь
так тягостно и так блаженно длится!
Еще он сможет Родине помочь
глазами и устами очевидца.
Пускай кристаллизуется в крови
дыханье слов «бессмертье», «слава», «тризна».
Пылай, коптилка, и, душа, гори,
Когда в сплошном огне твоя Отчизна!
1975

Неоценимую роль в нашей победе сыграли песни, которые народ пел во время войны. «Вставай, страна огромная» была написана Лебедевым-Кумачом за одну ночь с 22 на 23 июня, 24 июня текст был уже опубликован в газетах. В сущности, это не песня, а военный гимн или грозная величественная молитва о победе. Сам маршал Жуков на вопрос о наиболее ценных им песнях войны ответил: «*Вставай, страна огромная*», «*Эх, дороги*» и «*Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат*». И добавил: «*В них отразилась душа народа*».

В лирических песнях войны было заложено столько жизненной силы, что они живут до сих пор. Жив «*Синий платочек*», живут сурковская «*Бьется в тесной печурке огонь*», фатьяновские песни «*На солнечной поляночке*» и «*Горит свечи огарочек*», «*Майскими короткими ночами*». Живы песни на слова Исаковского: «*С берез, неслышен, невесом, слетает желтый лист*», «*На позицию девушка провожала бойца*». Жива песня Евгения Долматовского «*Ночь коротка, спят облака*»... Слова этих песен порождены войной. Но на первом плане в них не война, а мир, который в этой войне нужно спасти.

Наш немецкий знакомый Эберхард Дикман, специалист по русской литературе, однажды сказал нам с Кожиновым, что в Германии во время войны не было ни одной лирической песни, рожденной войной. Немцы на своих губных гармошках и аккордеонах исполняли лишь довоенные марши, вроде того, что «*Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир*». А наши лирические песни отражали жизнь народа во всей ее полноте — от поющих соловьев до осенних желтых листьев, от соснового бора, где встает солнце, до родного крыльца, где «*мать сыночка ждет*».

Многие песни войны, ставшие всенародными, написаны поэтами, не обладавшими ни известностью, ни значительным талантом. К примеру, забытый ныне поэт Яков Шведов написал слова доселе знаменитой песни о смуглянке-молдаванке. Слова бессмертной песни «*Темная ночь*» напи-

сал забытый поэт Владимир Агатов, слова песни «*Прощайте, скалистые горы*» — заурядный поэт Николай Букин. Однако народ сохранил в своей памяти эти песни. Видимо, потому, что сама атмосфера великой войны возвысила скромных сочинителей стихов до таких лирических высот, которых они не могли достичь в мирное время — до войны или после нее. Чтобы объяснить силу песни, вспомню один эпизод из своей жизни, из детства, прошедшего в лесном селе Пыщуг, куда мы были в 1941 году эвакуированы из Ленинграда. В древней сельской церкви, переделанной под клуб, постоянно шли советские фильмы, предваряемые документальными киноборниками о ходе войны. В одном из киноборников однажды было показано, как юный солдат идет по родной деревне, только что освобожденной нашими. Кадры сопровождались песней на мотив «*Крутится, вертится шар голубой*», под которую шагает солдат, жаждущий увидеть свой дом и свою невесту. Но, увы...

Парень подходит — нигде ничего.
Горькое горе встречает его,
Горькое горе — жестокий удел,
Только скворечник один уцелел.
Только висит под колодезцем бадья...
Где ж ты, родная деревня моя?
Где эта улица, где этот дом,
Где эта барышня вся в голубом?

А закадровый голос, словно голос судьбы, отвечает ему, что его семья убита немецкими оккупантами, что дом сожжен и что эти изверги «*Настю, невесту, с собой увели*». И что остается солдату? Мстить, мстить и еще раз мстить!

...Но какова сила простенькой пропагандистской песни, со словами, написанными на чужой мотив! Уже семьдесят с лишним лет прошло с той поры, как я услышал их в переполненной женщинами, стариками, старухами и детьми деревенской церквушке, с облупленных стен которой на нас глядели евангельские лики! Но ведь запомнились мне эти слова на всю жизнь, и до сих пор они волнуют меня...

